

А. Позов

Лирический мистицизм

БЛОКА

Штуттгарт

1978

А. Позов

Лирический мистицизм

БЛОКА

Штуттгарт

1978

Ни один из поэтов и писателей блестящей плеяды „Серебряного века“ не привлекал и не привлекает до сих пор такое исключительное внимание к себе, такое признание и почитание среди читающей публики и литературной критики, как Александр Блок. Причиной тому его чарующая поэзия, исключительный талант, граничащий с гениальностью, неуравновешенная натура, чудовищные заблуждения, злосчастная судьба и трагическая преждевременная смерть. Быть беспристрастным к нему — задача почти недостижимая в наше переходное и смутное время. Русская предреволюционная эпоха со всеми её чаяниями и крушением наложила особый отпечаток на творчество не только Блока, но и его собратьев по перу. Тайна всегда влечёт к себе, и не только любопытных, но и чающих движения воды, по Евангельскому свидетельству. Блок как будто нашёл „тропу к тайному“, как ему казалось, но и увлёк за собой своих доверчивых поклонников. И не его вина, что тайна оказалась обманчивой. Тайна Блока — в его лирическом мистицизме.

Культурно-историческая ^{заслуга} Блока в том, что он в своей поэзии разоблачил мистически-фатальную ^{роль} нечистой силы в исторической судьбе и ^{упадке} народов, в духовном, интеллектуальном и моральном разложении их.

Воспитание и образование Безрадостная и несчастливая семейная жизнь. Отец — деспот, неуживчив, жесток, бросает жену и семью. Мать — болезненная, истеричка, всю жизнь страдает нервным расстройством. Сам Блок, мальчик слабый и болезненный, но живой, неутомимо резвый и трудный ребёнок, с неистовыми желаниями и непреодолимыми антипатиями. Кумир семьи, бабушки, матери и тётки. В играх он проявляет безумную страстность и большую силу воображения. Растёт в высококультурной среде, мать, бабушка и тётка.

Помещицье имение деда, Шахматово, которое он любит мистической любовью, холмистая, лесная страна с болотами, гатами и оврагами, с синими даями, тихими зорями и ясными закатами, — родина блоковской поэзии. Это „пейзаж души“, символ России с её песнями.

Блок поступает в гимназию, это его первое столкновение с действительностью, настоящая жизненная трагедия. Мальчики грубы, циничны, развращены и тупы, учителя — загнанные и унижаемые начальством.

Он читает всё, что тогда давала детская литература, любит Пушкина, Лермонтова и Жуковского, особенно последнего, потом знакомится с Фетом и Некрасовым. Уже взрослым он любит Полонского. Увлекается театром, знакомится с Шекспиром, выступает в роли Гамлета в домашних спектаклях.

Он меняет юридический факультет на филологический. **Начинаются** занятия философией и... мистикой. Он пишет стихи, большую часть лирика. Читает Платона и чувствует, что в нём „язычество борется с христианством“, называет себя поклонником греков. Увлечение это продолжается недолго. Появляется нечто новое, в стих. „В полночь глухую“, от 29 декабря 1900 г. Здесь впервые — „Она“, которая, по его признанию, победила морозом эллинское солнце в нём. Да, здесь конец солнцу, начинается луна, холод и морозы. Это ещё до стихов о „Прекрасной Даме“. А перед этим была встреча с „розовой девушкой“ около Шахматова и знакомство с Л. Б. Менделеевой, его будущей женой. Начинается эра Прекрасной Дамы.

Она овладевает всеми его мыслями и чувствами, его вдохновением. „Она“ и „Ты“ пишутся с большой буквы. И она „Закатная Таинственная Дева“. Студенческая „мистика“ становится мистикой Прекрасной Дамы. Это период 1898—1900 гг. В своей „Автобиографии“ Блок признаётся, что стихи того времени были старомодны, но не жалеет об этом, что новое, модернизм, пришли позже, говорит о Верлене и декадентстве.

Мистика Здесь же есть ценное признание, что современная ему „мистика“ была ему непонятна, но ею был „насыщен весь воздух последних лет“. Здесь же даётся и разгадка, его „тревожили знаки, которые видел он в природе, но не придавал им значения, считал их „субъективными“ и скрывал от всех. Он пишет стихи, 270 стихов, подражает Пушкину, Лермонтову, Жуковскому, Полонскому, Майкову, Апухтину. Объединяет

Прекрасная
Дамы

эти стихи под названием „Анте Люцем“ /перед светом/.

Знаки природы, которые его тревожат, это — символика природы, не обычные проявления природы, почти и вовсе неуловимые, видимые только поэту с обостренным зрением и особенно чутким слухом, и неизменно — образ возлюбленной. Параллелизм явлений природы и состояний души, по Мочульскому. /

Мистицизм
и
символизм

„Перед светом“, света ещё нет, но он вот-вот придёт, вместе с „нею“ Мистическая заря. её пережили все, кроме Блока, Белый и другие, неожиданная и непостижимая. Новый, мистический опыт, мистическое, утончённое восприятие, чуть ли не массовое явление, плохо осознаваемое. Но поэт более чуток, он может выразить в словах и образах. так возникло образное символическое искусство. Изменилась духовная атмосфера. но не было ничего конкретного, всё летуче и неуловимо. Приходилось объясняться намеками, символами. Вот тогдашние выражения: „подул голый ветер“, „заря восходит“, свет борется с тьмой“, что-то звучит... и „зори, зори, зори“. Свет как будто воспринимался вместе со звуком, а звук сопровождался свечением. Слышалась музыка необычная, то торжественная, то заунывная, больше диссонанса, чем гармонии. Так наряду с новой поэзией появилась и новая музыка / Скрибин, Прокофьев и Шостакович /.

неуловимости восприятий соответствует неуловимость выражений в слове и звуках музыки. Люди сходятся друг с другом, с изумлением подтверждают одинаковость восприятий и их неуловимость, обсуждают, сравнивают, организуют общества. Мистика не только висит в воздухе, но принимает реальные очертания, говорит „тайным языком“. Это все „посвящённые, хранящие, Новое откровение“, предчувствующие начало новой эры человечества. Как поэты и писатели они — пророки, предвещающие катастрофы. А. Белый в своих воспоминаниях о Блоке пишет, что молодёжь того времени слышала нечто, подобное шучу, видела нечто подобное свету. Говорилось о „поступи нового века“. Образовалось „братство видящих“ с Блоком, А. Белым, Э. Гиппиус, семьёй Метнеров / композитора /, Рачинским и др. И всё это было густо перемешано теософами и атеистами. Но Блок встречал зарю в полях и лесах Шахматова.

нужно было теоретическое обоснование этому смутному томлению и ожиданию, Блок и Сергей Соловьёв, племянник философа, нашли его в поэзии Вл. Соловьёва. потом к ним присоединились другие. Профессиональный философ Вл. Соловьёв увлекся теософией. Наука и философия уступили место оккультным идеям о Софии, Премудрости Божией. Но у Вл. Соловьёва был свой личный жизненный опыт, спиритические сеансы и изучение гностической литературы.

И/К. Мочульский. Александр Блок. Париж. 1955

Реальная
Дама

Встреча с подругой его детства летом 1898г. решает судьбу его жизни и творчества. Это она Л.Д.М. — **воплощение** той „таинственной деви“, которая являлась ему в полях и **родах** родного **Шахматова**. Здесь впервые происходит роковое смешение реального существа с потусторонним небесным существом, „Прекральной дамой“, объектом его мистических исканий. Записи Блока в его „Автобиографии“ и „Дневнике“ дают ценный материал.

Таинственная
Дама

Л.Д. готовится в артистки и начинается увлечение Блока театром. Это увлечение было подготовкой к его позднейшей драматургии. К этому времени относится стихотворение „В полночь глухую“, **которое** характерно для Блока и для **всей зрелой поры его творчества**.

„В полночь глухую рождённая Спутником: бледным земли, В ткани земли облечённая, Ты серебрилась вдаль, Шёл я на север безлиственный, шёл я в морозной пыли, слышал твой голос таинственный; Ты серебрилась вдаль“. Здесь дано не только всё его душевное состояние, его умонастроение, но и полная, готовая характеристика „прекрасной“ Девы-дамы. Её лунность, лунная **серебристость** и, если можно так выразится, её лунная морозность, её связь с севером и землёю/ „ткани земли“/. Это земно-небесное, потустороннее существо, трансцендентное, но вполне реальное, воспринимаемое в видениях и грёзах. Это существо мистическое, связующее звено между земным и небесным.

В Петербурге, в **студенческую** пору, появляется „первое **петербургское** стихотворение“, датированное 14-м сентября, где образ деви-дамы принимает всеобъемлющие черты. Вот стих. „Ищу спасения“:

„Ищу спасения. Мои огни горят на высях гор. Всю область ночи озарили. Но ярче всех — **во мне** духовный взор И Ты вдаль... Но Ты ли? Ищу **спасенья**“.

Здесь, как и везде впоследствии, Ты, Тебя, в Тебе и к Тебе, Она, с большой буквы. Разве не чувствуется молитвенный тон, **возглас**, только хора не хватает.

Блок пишет в своей автобиографии, что он написал в ту пору университетского учения 290 стихотворений. Есть ценное указание на влияние французского поэта-символиста и декадента Верлена, но это влияние было в ту пору в **столицах** всеобщим.

Мистический
опыт
и
среда

Параллельно пишет он о мистике, „которой был насыщен воздух последних лет старого и начала нового века“. Но у него и личные мистические переживания. Его тревожат „знаки в природе“, хотя он чувствует себя, как „в чудном свете“. Это даёт богатый материал для **символических выражений**. Мистика у него питает символизм, а поэтический символизм выражает содержание мистических переживаний.

Мистический опыт обоготворяется и крепнет в контакте с внешней петербургской **средой**. Мистицизмом охвачены все, писатели, поэты,

журналисты, учёные и философы, общественные деятели и широкие круги читателей. Это была не мистика, а мистицизм, мистикопатия и мистикомания, одержимость мистикой. Подлинная мистика покоится на религии, мистическое переживание есть контакт души и духа с Богом, с внутри-сердечным Христом-Логосом и Духом Св. А это была теософистика и мистическая софистика, суррогат и фальсификат религии и мистики. Ещё живы были и свежи следы шарлатанской магии и мистики Эпохи „Просвещения“, связанные с именами графа Сен-Жермена и лжеграфа Калиостро, оккультизм Де-Сен-Мартена и др. Ценно признание Блока в его „Автобиографии“ „трезвые и здоровые люди, которые меня тогда окружали, кажется, уберегли меня тогда от заразы мистического шарлатанства“. Таково было „новое откровение“, с предчувствием начала новой эры в истории человечества. Каждый старался внести свою лепту в это „откровение“, свои домыслы, каждый чувствовал себя провидцем и пророком новой эпохи. Дм. Мережковский, З. Н. Гиппиус, композитор Медтнер, Качинский, Андрей Белый и др. Всеобщим распространением пользуется версия о новом завете Духа и преображении мира.

Соловьёвщина Но подавляющим было влияние Вл. Соловьёва, ставшего из философа теософом, после его знакомства с гностическим учением о Софии Премудрости Божией. В мистической поэзии Вл. Соловьёва дана прелюдия мистико-поэтического софианства, весь будущий Блок. Таково стих Соловьёва:

„И в пурпуре небесного блистанья Очами полными лазурного огня, Глядела Ты, как первое сияние Всемирного и творческого дня. Что есть, что было, что грядет во веки — Всё обнял тут один недвижный взор. Синеют надо мной моря и реки, и дальний лес, и выси снежных гор. Всё видел я, и всё одно лишь было — Один лишь образ женской красоты... Безмерное в его размер входило, перело мной, во мне одна лишь ты!“

Дальше идёт фило-теософствование о единой божественной основе мира и эта основа — она. Она-божество, сияние которого он „ощутил“ и которая в то же время есть его „подруга вечная“. Она же „душа мира“ и „вечная женственность, царица, София, Премудрость Божия, олицетворение красоты, это та „премудрость“, которой, по Соломону, Бог „всё сотворил“/ „Вся премудростью сотворил вси“/. Здесь не трудно видеть явные следы гностической сектантско-еретической, дьявольской фальсификации. Познакомившись с трудами гностиков в отрывках и фрагментах, Вл. Соловьёв дал законченную систему, благодаря своему логическому таланту и философской эрудиции. Это гностическое, еретическое софианство развито у Вл. Соловьёва в его главных трудах „чтения о Богочеловечестве“, „Россия и вселенская церковь“ и др. и означает полный разрыв с евангельской традицией, где единство и монолитность творения осуществляется в лице Логоса-Христа Вседержителя. Ап. Павел называет Христа Мудростью и Силою Бога. А „вечная женственность“, царица Небесная, дева

олицетворение небесной красоты и чистоты—это Богородица, Дева Мария. А лже-София, лже-дева гностицизма и Соловьёва—это апокалиптическое существо, родная сестра Вавилонской Блудницы, появление коей в земной сфере является знамением духовной немощи, замешательства, стихийных народных бедствий и потрясений. Ни Вл. Соловьёв, ни его ученики Блок, Белый и др. не разобрались в подлинной сущности этой ~~вечной~~ оманщицы, что свидетельствует об их духовной слепоте. Тогда все adepts русского Декаданса в литературе и ~~жизни~~ оказываются лже-профитами, жертвами соращения и колдовства.

В мистикопатии и софианстве теоретическом Соловьёва весь Блок на протяжении двух десятков лет его поэтического творчества. Правда, в его художественной палитре больше красок, в словесном творчестве больше ~~музыкальных~~ созвучий, он дал совершенные стихотворные формы, равных которым нет, может быть, не только в русской, но и всемирной мистической лирике. Тем не менее это снижает высоту творчества Блока до степени эпигонства, подражательности.

В статье „Владимир Соловьёв в наши дни“ Блок указывает на пророческий характер явления Соловьёва в России. И это связывает с началом 20-го века, стоит январь 1901-го года. И все полны предчувствий и предвешаний. В дьявольской сущности их не разобрался никто. Блок и Белый бредили соловьёвщиной, видели Соловьёва во сне и разговаривали с ним, видели его тень в снежных сугробах во время прогулок по Арбату.

Соловьёвщина открыла свой подлинный лик впоследствии, когда брат философа, Михаил Сергеевич нашёл в его записях любовную переписку с Софией. Они написаны „в состоянии медиумического транса“. В них обнаруживается и другая её сторона, Дама не только свет, но и мрак. Вот стихотворение

„Свет из тьмы. Над чёрной глыбой Вознестися не могли бы Лики роз твоих, Если б в сумрачное лоно не впиался погружённый Тёмный корень их“.

Эта двойственность, свето-тьнь или свето-мрак внушает подозрение и перед смертью Соловьёв видит злобеший призрак/двойник/Девы-Софии

Блок отмечает в „дневнике“ 1901-го года появление „Прекрасной Дамы“ ещё до знакомства с поэзией В. Соловьёва. Мистикопатический бред Блока продолжается и связывается с личной драмой, с равнодушием к нему Л. Л. М. Он подумывает о самоубийстве, он слышит нашептывания. Появляются припадки буйства. Он бежит по городу и срывает со стен объявления. Связь с Мережковским усилила путаницу в его голове. Но, появляется нечто новое. Созерцая Её, он открывает её печаль. Он пытается выпутаться, не замечая, что он смешал Даму и Царицу с падшей Мировой Душой, которой ждёт освобождения и искупления.

Появляются „стихи о Прекрасной Даме“, где поэт обнаруживает истинную влюблённость в Даму своего сердца. Это совпадает с его

ожиданием конца мира и явления дамы, которая принесёт новую эру.

„Знай же, Вечная Женственность ныне в теле нетленном на землю идёт“

Мистический бред Ему мерещится, что и Она его любит, Она, которую он теперь называет владычицей вселенной. Он готов поклоняться ей,

„Вхожу я в тёмные храмы/какие?/, совершаю бедный обряд, Там жду
я Прекрасной дамы в мерцании красных лампад“/1902, 46/.

Такова вершина мистического бреда Блока, граничащего с сумасшествием, но близорукая критика: в лице К. Мочульского представляет это, как мистическое откровение, и ставит его рядом с такими же, как и Блок, „мистиками“, как Як. Бёме, Сведенборг, Вл. Соловьёв и др. Блок — духовидец. Отметим с своей стороны, что это сравнение не льстит Блоку. Он оказывается в одной компании с лже-мистиками, теософами, адептами „мистической дамы“. Мочульский забыл упомянуть ещё Экарта, бывшего духовным отцом Бёме и др. Все эти „мистики“ были жертвами мистификации древних гностиков, вдохновительницей коих была та же „дама“. Если прибавить к этому, что Экарт, Бёме и Сведенборг оказали сильное влияние на философов Канта, Фихте и Гегеля, то картина будет полной. Отсюда начинается духовное, интеллектуальное и моральное разложение в христианской Европе. Наука, философия и все виды искусства проявляют антирелигиозные и антихристианские тенденции.

В том же 1901 г. появляется стихотворение „Предчувствую Тебя“, которое тревожит родных поэта

„Но страшно мне: изменишь облик ты“.

Появляется в 1902 г. стих „Я-тварь дрожащая“ со зловещими строками:

„В Тебе таятся в ожидании Великий свет и злая тьма“ — загадка всякого познания. И бред великого ума“.

Да, подлинно бред великого ума. Но недоумевающий поэт утешает себя тем, что здесь несомненна подмена, что здесь „та другая, немая, безгласная“, притаилась, колдует в тиши. Рядом с владычицей мира — волшебница, колдунья, исчадие ада, демонское существо. Чтобы выйти из невыносимого положения, он приписывает эту двойственность, двуличие себе, своей душе. Тогда это — раздвоение личности, помешательство, шизофрения, клинический случай. И Мочульский принуждён признать, что в записях Блока к сборнику „Распутья“ есть бред и ночные кошмары. ^{1/}

В „Записной Книжке“ Блока за 1904 г. отмечено, что Прекрасная Дама покинула его. Он чувствует себя слабым, бездарным и немощным.

Война, 1915-й год, Блок предсказывает великое возрождение России, но чувствует себя плохо, пишет о „потере души“ и „смерти заживо“, томит „смутным предчувствием тайным“, говорит о „холоде и мраке грядущих дней“.

Конец стих. „Невидимка“ звучит новым откровением:

„Вмешалась в безумную давку С расплещнутой чашей вина На звере
багряном — Жена“/1905/. Это апокалиптическая персона.

Мистико-поэт любит свою небесную Даму-Деву и уверен в её любви. Он женится на смертной, насквозь земной женщине, которая едва ли его любит. Правда, он считает её земным воплощением своей возлюбленной Дамы, и не видит, или не хочет видеть прозаизма круглолицой и корпулентной Л.Д.М.

Гений, как жертва пожизненного прельщения, миража, демонской одержимости... Нет, это не вяжется одно с другим. Блок — поэт с узкой художественной идеологией, ограниченной тематикой, с ограниченным художественным кругозором, если сравнить его с ~~современным~~ Бальмонтом. Он занимает высокое, но узкое место на Парнасе, «Серебряного века».

Как человек, Блок есть жертва семейно-наследственной отягощённости. Как деятель, он жертва обществ. — политических предрассудков своего времени, среды и переходной эпохи в России. Как художник, он жертва разнузданной, беспринципной мистикопатии и демонской одержимости. Он говорит

„Сердце к правде порывалось, Но его сломила ложь“.

В стих. „Жизнь моего приятеля“ он пишет
„Как будто ночь на всё проклятие простёрла, сам дьявол сел на грудь“/1914, 258/.

Весною 1918 года он пишет повесть „Исповедь язычника“, где он вспоминает, что он русский и христианин. „Я очень давно не исповедывался, а мне надо исповедаться“. Перед смертью он молится: „Боже прости меня“ и просит близких и родных молиться за него. Это примиряет нас с Блоком. Он не дал мраку победить себя.

Но чужеродная, не русская кровь влечет его к демонской романтике. Земная любовь не удовлетворяет Блока. Он стремится к идеальной, потусторонней любви, но у него не было мерила идеального. В этом — недостаточность его мистики, мистические срывы с роковым исходом. Своим жизненным опытом Блок показал, что идеальной, сверхземной любви не существует. Всякая заоблачная любовь связана с пожизненным риском и обманом.

У Пушкина была его земная мадона, у Лермонтова — прозаическая и расчётливая Н.Ф.Иванова, которая изменила ему и вышла замуж за другого. У Гёте — хозяйственная и расчётливая жена Христиана Вульпиус, у Шиллера — преданная жена Шарлотта фон Ленгефельд.

Символ — это знак, признак, предзнаменование у Пиндара и Ксенофонта, у Платона это — не чувственный предмет, не вещь сама, а её знак. Есть два мира, по Платону, мир чувственный, предметный и материальный и мир умственный, духовный. Иначе это миры видимый и невидимый. Оба существуют сами по себе, на земном плане они смешаны, невидимый мир входит в мир видимый, это — идея по Платону, которая воплощается в вещи, материализируется и составляет сущность и содержание вещи.

Мы видим вещи и только догадываемся о её содержании, которого не видим. Мы созерцаем идеи — сущности без участия внешних чувств, а силою внутреннего чувства. Для этого нужно интеллектуальное усилие, сосредоточение и созерцание. Тогда идея охватывается в интуиции.

С точки зрения психологии символ есть представление или понятие, предполагает объект, это замена, а причина — в обобщении. например, христианский Крест. Символ не есть просто знание, но и действительность. А понятие есть выражение общего, не есть сама действительность, как она есть, а как система. Символ есть выражение единого, как оно есть. Понятие есть язык науки, а символ есть язык жизни.

Что же такое символ? А Сабатье в статье „Религиозный символизм“^{1/} отвечает так: Символ есть выражение невидимого и духовного чувственным и материальным образом, это душа в теле. Тело служит выражению души, хотя и не походит на неё. Лучший пример символизма — язык и письмо — два воплощения мысли. Произведения искусства представляют лишь символы.^{1/}

Признак религиозного познания, по Сабатье есть его свойство быть символическим. Все понятия, составляемые и образуемые религиозным сознанием, являются по необходимости неадекватными со своим предметом и никогда не могут стать равнозначными с ним, как это имеет место в науках. Предмет религии трансцендентен, это не явление. Религиозному познанию суждено выражать невидимое посредством видимого, вечное — временным, духовные сущности — видимым образом. Таким образом религиозное познание превращается в теорию символов и символизм.^{2/}

В искусстве и религии связана с символом некая таинственность. Великие проповедники были и творцами символов. Пророк передавал Божественное Откровение в символах. Великие символы возникли, по Сабатье под влиянием религиозного чувства.^{3/} энтузиазм и Мания/. Христос говорил символами и притчами.

Символизм — это внутреннее восприятие, проникновение в сущность, для этого нужно особое зрение и особый слух. Таковы поэты, музыканты, художники и скульпторы. Есть примесь фантазии в символизме, несуществующие цвета и запахи в природе. Непосвящённым это может показаться нереальным, надуманным, искусственным.

Символ относится к оккультной сфере и доступен ясновидящим.

1/ Журнал „Вера и разум“, 1897, № 18, стр. 392

2/ т. ж., стр. 391

3/ т. ж. 396

Символы неуловимы, летучи, трудно определимы, не легко укладываются в слова и обороты. Поэт напрягается и не схватывает, получаются обороты искусственные и надуманные, манерность и натянутость.

Д.С.Мережковский приводит мнение Э.Зола о поэтах символистах, неопределённый этикетик, символизм, прикрывающий бездарность. Нам предлагают неясное щебетание, грошёвые вздорные песенки, сочинённые трактирными завсегдатаями".^{1/}

Что говорят о символизме сами символисты? К.Д.Бальмонт называет реалистов простыми наблюдателями, а символисты — всегда мыслители, видят в жизни только свою мечту. В поэзии видят они скрытую отвлечённость и очевидную красоту. Символика говорит исполненным налётом и недомолвок, нежным голосом сирены или глухим голосом сибиллы, вызывающим предчувствие. Язык символической поэзии богат интонациями, идёт от абстрактного к конкретному.^{2/}

В.Я.Брюсов видит в искусстве явления просвета, экстаза, сверхчувственной интуиции, дающих иные постижения мировых явлений, глубже проникающие за их внешнюю кору, в их сердцевину... Искусство только там, где дерзновение за грань, где порывания за пределы познаваемого... История нового искусства есть прежде всего история его освобождения. Романтизм, реализм и символизм — это три стадии в борьбе художников за свободу... Ныне искусство наконец свободно... Пусть же современные художники сознательно куят свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери к вечной свободе.^{3/}

Брюсов писал в „Мире Искусств“/1902 г./, под заглавием „Ненужная правда“ против слепого подражания действительности и призывал к сознательной условности античного театра, который позволяет вернуться к традициям, берущим своё начало в самых отдалённых цивилизациях мира, оставаясь неизменно доступным для всеобщего восприятия и понимания.

В.Марбадз^{4/} видел в пьесе Андрея Белого „Пасть ночи“ спасение в духовной силе мистического понимания. Тема драмы — пришествие Антихриста на землю/пьеса осталась незаконченной/.

По Вячеславу Иванову символисты стремились проникнуть в неуловимое, невидимое, неведомое, чтобы избежать безрадостной пошлости ощущаемого мира. Искали ощущений внутренних чувств, образы и идеи вещей.

Символизм сродни мистицизму, это — поиски тайн, но ищут не всегда там, где нужно. Мистицизм символизма вырождается в магию слов. Получается натянутость, манерность, у Бальмонта, Брюсова и Блока, Сущность ускользает. Тогда получается голая форма и бессодержательность, остаются только оттенки, нюансы. Символизм вырождается

1/ „Лекадентская литература“ 1962, стр. 6

2/ т.ж., стр. 9

3/ т.ж. стр. II

4/ т.ж.

в декадентство, упадочничество. Образец — у Бальмонта: "...Туманная даль, Закатность, печаль. Солнце, ржавчина солнца, Убить и убить. Воду ржавую пьют и ещё будут пить". Туман, мгла, роса, бледность^{1/} излюбленные эпитеты. У Блока — легкая тень, видения и грёзы, очарование бездыханное, ржавая душа, чёрный бред. И зори, зори, зори^{2/}, белые пятна незабываемых обид .

Пожизненная свистопляска с привидениями не прошла бесследно для неуравновешенных натур. Жертвами околдованного символизма стали Бальмонт, Блок, Владимир Соловьёв и отчасти Андрей Белый. Символизм выролдился и зачах, об этом заявил в печати сам основатель и теоретик символизма Валерий Брюсов. Окультизм символизма способствовал отрыву от реальности и действительности, потере почвы, что медленно привело к сенситивности/чувствительности/и медиумизму. У Блока мистицизм был навеян извне, "закатной таинственной Дамой", которая одним своим присутствием предвешала грандиозные народные волнения и потрясения .

Символизм и декадентчина сыграли огромную роль не только в литературной среде, но и в широких массах читателей. Появилось чувство иллюзорности, оттеснившей действительность на второй план. Не способствовал ли символизм предреволюционной и революционной сумятице широких масс русского народа?

Уничтожающая критика символизма у Эллиса^{4/} символизм ведёт к индивидуализму со всеми его отвратностями: звериностью, сладострастием, самопереоценкой, саморелигией и самообожением. Образец — Брюсов. Индивидуализм отвратителен тем, что в основе его гордость. Отмечается условность, нарочитость символизма, его неестественность, действующая иногда тошнотворно. Образец — "заметались, заблестали Красно-огненные птицы. Но серебрянные змеи Ловят, ловят всё сильнее Птиц мелькающих во влаге". Сладострастие, демонизм и дьяволизм/влияние Бодлера/. В символизме нет подлинного созерцания, а демонские мечтания... Но я люблю мой дух надменный И яркий блеск моих оков!"^{5/}

Символизм показал, что в нём нет и следа символизма, который предполагает духовную, религиозную одарённость. К символу можно подходить только в религиозном созерцании. Нет примеров ясноведения и мистицизма в символизме. Художественная интуиция не даёт постижения сущностей. Сущность символизма — установление точных соответствий между видимым и невидимым миром.^{6/}

Автор переходит затем к французам Маллармэ и Бодлеру, а затем к Бальмонту.

1/ Александр Блок, Избранные произведения, 1971, стр. 422

2/ т.х. 29

3/ т.х. 290

4/ Русские символисты, 1910, стр. 192

5/ т.х. 199

6/ стр. 239

Визионер Блок — визионер, с детских лет, имеет видения и грёзы, слышит голоса. И всё это — «Она», всё от неё. «Ты — лучезарное видение»/1900 года, стр.14/. Давно мелькнувшее видение/1900, стр.15/. Потом идут подробности: «Вижу снова я тонкие руки, Слышу гортанные звуки»/1897—1909/. Синий, синий плен очей/1909/. Тот призрак, тот непобедимый/1909/. В сборнике «Через двенадцать лет» есть обращение к неизвестной любовнице: «Ты со мной, печальный дух». Он видит её след, Смытый бурей столько лет. Слышит, как, шелестит её душа. Но всё это, как призрак, всё — как бред»/1909, стр.345/.

Он слышит шопот и смех, милого образа, чувствует чью-то ласку. «Милый образ, нежный сон, Ты нездешней видно силой Наделён и окрылён»/1901, стр.21/.

Призрак или видение могут быть красиво и заманчиво обрисованы, но когда это повторяется через стихотворение, то становится скучно и досадливо. Блок не знает меры. И он не отдаёт себе отчёта, из какого источника всё это. И становится жертвой прельщения и обмана, как и многие его современники. Реальность и мираж свиты в один клубок и теряется способность различения. Блок и все его собратья по перу несут огромную ответственность в разложении сознания и самосознания своих читателей — современников.

Призрачный мир начинает приедаться, читатель и поклонник ждёт от поэта — пророка иных откровений, гармонии идеального и реального, вестей и знамений от «свышнего мира». То он, Блок, страдает, терзается, не имеет покоя, то вдруг: «Я люблю эту ложь, этот блеск... Как ты лжива и как ты бела! Мне же по сердцу белая ложь»/?1.../1902, стр.38/.

Видит демонов, «белых видений образ странный»/1915, стр.264/. Видения сменяются кошмарами. Месяц корчит ему гримасы/1914, 206/. Слуховые галлюцинации/1906, 95/, звуки скрипок, их вой. Бледный город, бледное окно, бледное небо. Призраки галлюцинации следуют один за другим. Он — яснослышающий и яснослышающий, слышит лягз костей/1912, 251/.

Визионерство стало обычным, массовым явлением, и вместо реальных объектов вставали тени и отблески. У Бальмонта: «Я мечтою ловил уходящие тени» и «серебристые тени как будто ласкались». Визионерство может при вести к заблуждениям, притупить восприятие действительности.

Символизм и декадентство Блока Они вошли Блоку в плоть и в кровь. Излюбленный цвет — белый, а ещё — бледный. «Белый намёк» и «бледные платья! Леса у него, сквозят тишиной»/1905, 85/. Месяц ходит с лёгким хрустом и глядит... и над миром, холодом скован, Пролился звонко — синий час/1905, 86/. Красный цвет злереет издали/1905, 116/. Белое платье бело в луче/1905, 118/. Блок поёт молитвы сосне/1906, 128/.

Поражает декадентская безвкусица: „Здесь тишина цветёт и движет Тяжёлым кораблём души“/1906,137/. Очарование „доцветает“ в мире „безраздумной сини“/1906,129/. Создавая своего героя, говорит о его „сверкучем щите“/1907,145/. Горькие думы – „лохмотья печалей“, просили у него на чай и ночлег/1905,165/. У Наталии Николаевны Волоховой – „тяжелозмейные волосы“ и „змеится она в чаше золотой“/1906,182/.

Снег у Блока поёт, а стих у него клубится туманами/1907,432/.

Символическая „туманность“ и декадентская неразбериха начинают приедаться читателю и Блок отказывается от них в зрелую пору своего творчества.

Шедевром декадентской извращённости у Блока является следующее двустишие:

„Мы любим плоть – и вкус её и цвет,
И душный, смертный плоти запах...“

Гений не следует духу времени, а имеет свой путь. Пушкин не следовал ни сентиментализму Карамзина, ни романтизму Жуковского, хотя высоко ценил обоих. Он открыл свой путь идеал-реализма. У Лермонтова – трагический идеал-реализм. Гений имеет свой язык. Языком Пушкина говорит вся Россия. Декадентщина не войдёт никогда ни в литературный, ни в народный язык.

Бодлеровщина, любовь к невзрачным вещам, часто рисовка: „льнёт туда, где унижение, где грязь, и мрак, и нищета... Любит сей мир ужасный“/1911,289/. Огнечерные отсветы... На небе празелень...

Символизм и декадентство не были в России явлениями наносными, хотя и чувствуется влияние Бодлера, Верлена, Рембо и др. Бальмонт отрицал всякое влияние на него французских символистов.

Символистам не удалось ни созерцание идей Платона, ни прислушивание к внутреннему слову по Аристотелю, ни теургия древних посвящённых, так как в основе их лежит религиозность, чуждая символистам. Развязность Брессона оставила следы и в творчестве Блока. Интуиция была частично у Бальмонта и Блока. Мистика выродилась у Блока в мистическую одержимость, отравившую ему жизнь и творчество. Когда символизм пошел на убыль, Блок выступил с докладом. Успеха доклад не имел, только Андрей Белый поддержал его.

Творчество Блока пользуется успехом во всех слоях русского общества за чарующие стихи, любвеобильное сердце и позитивный оккультный роман с „Дамой-Девой“. И за трагический конец его короткой жизни.

Она

Блок изменил своей реальной „Прекрасной Даме“, жене, дочери Менделеева. Он увлёкся призрачной „Прекрасной Дамой“, ещё не зная её. О моральном уровне её он узнал поздно. В этом – жизненная драма Блока. „Она“ – провозвестница обновления народов и народных бедствий, „Она“ – „дева революции“/1906, 429/, которая стала его любовницей.

Трудно разобраться в его отношениях к ней. „Да и в разлуке чиста ты и непорочно свята... Ты – золотая звезда... Ты, лучезарная, ты...“/1901, 419/. Она гипнотизирует его: „чья-то очи недвижно и длинно На меня сквозь деревья глядят“/1903, 429/.

Уже значительно позже он убеждается, что она не любила его никогда и что он был только встречный и случайный. Остыл её пыл и она сказала ему: „прости!“ А душа его полна той-же любовью/1915, 369/. „В снах печальных“ он жмёт её „чародейную руку“, повторяя её „далёкое имя“/т.ж./.

Число любовных стихотворных обращений к ней бесконечно. Слышит её голос ночью над постелью, видит синие очи её. На лице её – „жало огня“/1910, 393/. Это было в Шахматове... Он любит, неверные красы её очей и убеждён, что „она“ – не бред, не призрак лесной/1901, 418/. И отмечает „неверность очей“ и „изменившую душу“ её.

В стихотворении „Демон“/подражание Лермонтову/ он соблазняет её, как демон Тамару:

„Иди, иди за мной – покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.
Я пронесу тебя над бездной
Её бездонностью дразня.
.....
Да, я возьму тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землёю кажется звезда.
И онемев от удивления,
Ты узришь новые миры.
.....
Дрожа от страха и бессилия,
Тогда шепнёшь ты: отпусти...
И, распутив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

А за 4 года до этого положение было иное. Он избегает её объятий и уст, её „змеиного рая“ и ядовитого взгляда/1912, 266/. Но ночи проводит с нею, она, как мёртвая в изнеможении, и „мертва, наконец, мертва!“ Он знает, что выпил её кровь, кладёт её в гроб и поёт. Дело доходит до драки, он бьёт её палкой. Оделась, уходит.

Гностик Валентин/3-й век/ пишет о лже-Софии-Ахамет/1/. Она плачет, молится Христу и умоляет Его простить её. Не получая прощения, продолжает колдовать и меняет любовников.

I/Пистис-София, немецкий перевод.

Фаина Она, "Снежная Дева"/1907, 202/, целует жадно, как ветер/?/. Она звезда нежных мечтаний. Он кажется инок, но она приходит смущать его и говорит, что не нужно молить/1907, 215/. Она так изменчива, что он теряется в догадках. Её тёмный шёлк дразнит его. Он, хоть и очарован, но начинает разгадывать её.

Голос её низкий и грудной. Она меняет облик и ему становится страшно/1901, 23/. Тоскует и любит... Нагло скромна её дикий взор... "Он околдован, опьянён любовью! Она гадаёт, ворожит, а он подражает ей, "заколдованная тёмная любовь". Безмолвные встречи их, "были странны"... То он страдает, терзается, не имеет покоя, то он любит этот блеск и эту ложь. "Как ты лжива и как ты бела". Взмахнёт бубенцами и увлекает его в поля. Он уже раб её, говорит:

«Прими, Владычица Вселенной,

Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба—

Последней страсти кубок пенный

От недостойного раба"/1998, 412/.

Он признаётся, что власть её непостижима/1913, 363/. Встречи их были странны и безмолвны...

Положение меняется, когда она полностью овладевает своим любовником, от соприкосновения с нею у него появляется ясновидение. Рыжий сумрак её глаз таит змеиную неверность. Когда он смотрит на неё, она говорит ему: "Эй, берегись, я вся —змея! Смотри, я миг была твоя, и бросила тебя!"/1907, 216/. Гонит его от себя, с другим будет эту ночь/"Песня Фаины"/. "Рыжий сумрак" её глаз таит, "змеиную неверность"/1907, 197/. Тогда он просит её,

«Вползи ко мне змёй ползучей,

В глухую полночь оглуши,

Устами томными замучай,

Носом чёрной задуши"/1907, 197/.

Кто же она? у неё холодные губы.../Прикосновения Сатаны холодны, как лёд!/. Иногда является она не одна, а в сопровождении грозного мрачного субъекта.

Портрет её: "Она стройна и высока, всегда надменна и сурова. Он следит за ней каждый день, знает часы, когда она сойдёт. 1902, 44/. Совершает "бедный обряд" и ждёт её. "Едёт себя, как колючка, танцует над топью болот, протяжно зовёт и поёт/1905, 161/.

И, ч рез год: "Ты ушла на свидание с любовником"/1903, 46/. А через 3 года: "да святится Имя Твое!" Это не первое и не последнее кощунство, это распущенность "серебряного века".

Вечно-
Женственное

Вл. Соловьёв —певец Вечно-Женственного, как божественного начала, разлитого во всём мире и воплощаемого в облике возлюбленной. Эту концепцию усвоил и Блок, но у него это —Фаина, ведьма, колдунья, изменница. Какой жестокий самообман и обман. Какой урок всем поэтам-

визионерствующим. Пушкин нашёл свой идеал в Татьяне, а потом в своей мадонне, Наталии Гончаровой. Лермонтов остался верен своему идеалу. Блок стал жертвой обмана. С Блоком умер в русской поэзии идеал Вечно-Женственного, а поэзия сменилась ворожбой. „Я могучи велик ворожбой“/1901, 426/. Поэтическая ворожба Блока действует и по сей день. Ворожба — это чёрная магия и Блок — настоящий маг в поэзии. Но он не строит себе никаких иллюзий.

„Душа в стремленье запоздала,
В парении смутно замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла“/1901, 417/.

Когда Блок разоблачил лже-Софию, Фаину, то было уже поздно, силы его были надломлены.

Двойственность. Всецело преданный душой и телом своей „небесной“ возлюбленной, Блок не пренебрегал и земною любовью. Он имеет большой опыт в мимолётных встречах в туманном и дождливом Петербурге. Он может увлечь первую попавшую незнакомую женщину, летит с нею „у полости саней“ на Елагином. Нет, он не первую ласкает и „покорность не играет“/стих. На островах 1909, 241/. Он бросает вызов таинственной незнакомке в ресторане. Дон-жуанствующий поэт, негнушающийся уличными встречами, всё-таки жалуется: „Жизнь пустынна, бездомна, бездонна“/1910, 242/. Ему скучно, холодно и больно/?/. Жизнь полна ночных кошмаров/это понятно/.

„На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чём горевать,
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.
Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар...“/1915, 327/.

Жалуется на смертную тоску, безнадёжен его путь. Меланхолик, пессимист, это было тогда в моде. И политический мотив, „мы дети страшных лет России“. Развинченность „серебряного века“. В тридцать лет он убеждается, что сердца у него нет, что сердце его — „крашенный мертвец“/1913, 260/. И ему хочется „бросить злобный вызов небесам“ 1908, 274/.

Спасение — в пьянстве

„Я пригвождён к трактирной стойке,
И пьян давно. Мне всё равно.
.....
А ты, душа... душа глухая...“

Пьяным пьяна... пьяным пьяна.../1908, 337/.

Он живёт „от похмелья до похмелья“/339/. Это — 28-милетний Блок. А его „тёмная подруга“ покидает его, улетает в чужие, дальние края. Он не расстается с „кабацкой скрипкой и вином“.

19 -летний Блок жалуется на тоскливую и непонятную печаль.

Сидеризм

Величайшая жизненная тайна и связанная с ней жизненная драма Блока раскрывается в свете оккультных построений. Знаменитый маг и ясновидец Парацельс/фон Гогенгейм/, реформатор медицины, сделал великое открытие. Он говорил о „сидерическом духе“. Это — общечеловеческий и природный дух. Есть в нём и добро и зло. „Сидерический“ означает звёздный. Это падший ангел. Адольф фон Гарлес, автор интересной книги „Яков Бёме и алхимики“^{1/}, говорит, что Бёме был одержим подобным духом. Он приводит содержание одного письма Бёме от 22-го октября 1619 года, где Бёме пишет: „Так я пишу, мне диктует великий чудесный дух в откровении, и я часто не знаю, в своём ли я духе в этом мире“. И в письме к Абраму Зоммерфельду пишет Бёме: „Я пишу так, как мне диктует дух“.

Но для одержимости необходимо известное оккультное состояние, медиумическая способность. И об этом пишет автор книги, Бёме, во время прогулки по горам, пережил состояние „тяжёлого экстаза“, ^{2/} в юном возрасте.

Если пристанет сидерический дух, то от него нет спасения. Блок стал жертвой сидерического колдовства. У Бёме это мистические блудовешания, а у Блока это откровения и жалобы в проникновенных стихах.

„Что если я, заворожённый
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой уничтожённый, —
Ты можешь ли меня простить?“ /1909, 234/

В стих „К музе“ он говорит, что в напевах её „роковая о гибели весть“, есть „проклятие заветов священных“ /44/, поругание счастья, влекущая сила, и готов твердить за молвой, что она низводила ангелов, соблазняя своею красотой. Она смеётся над верой, вокруг неё загорается вдруг неяркий, „пурпурово-серый цвет“ /1/. И вопрос сидерической даме: „Зла, добра ли?“ Она для него — „мученье и ад“. /1912, 233/.

Ярко выраженный медиумизм Блока хорошо известен, ещё в детстве и юности, он имел видения, слышал голоса. Медиум — это средство, посредник, орудие. Медиумизм есть тяжкая болезнь, ведёт к сидеризму, а сидеризм — к инфернальности. Блок сходит в ад. Он соперничает с Данте и его ад реальнее дантовского. Это — в гениальном стихотворении „Песнь ада“. И здесь перед ним — „чудесная жена“... и он пил её кровь! /1909, 240/.

Змеинный яд мистицизма-сидеризма пропитал всё существо поэта. И он не нашёл никаких средств освободиться от него, как и Вл. Соловьёв. Сидеризм есть одержимость. Своим жизненным и творческим опытом Блок показал силу и власть сидеризма. Это — целое откровение, ценою страданий и гибели. И в этом — искупительная роль

^{1/} Adolf von Harless, Jacob Böhme und die Alchymisten,
^{2/} Ebd. §. 6

блоковского творчества.

Блок получает предостережение „джентльмена“, случайного гостя: „пора смириться“/I9I2,255/. Но „невидимый взгляд“ преследует его I9I3,256/. И чуткость его доходит до того, что видит „печальное шествие ночи“. А сидеризм кончается полным рабством.

С детства и всю жизнь – повышенная чувствительность, переходящая в медиумизм. Интуитивная чуткость, обострённые слух и зрение, открытые для тайн природы и души. Дарование обоюдоострое, можно направить на магическую сторону – в мир нечистых духов, стать жертвой лжи и обмана, дьявольского навождения, быть слепым ко всему подлинному. Россия, вся страна, обе столицы находятся в мистопатическом ожидании. Массовый гипноз от внешней среды...

Мистика есть связь с потусторонним, со „сверхмиром“. „Мистика“ Блока свелась к мистической любви к потустороннему существу, к мистической „даме“. Мистика Блока перешла в мистикопатию и зашла в тупик. Где же было Блоку знакомиться с подлинной мистикой, не у Соловьёва ли? Мистификация Блока – это „дремотная соня, неуловленный бред, шорох несуществующих шагов“/I902,42/.

Заслуга Блока в том, что он разоблачил сидерическую любовь и сидеризм вообще. Сидеризм может быть женским, колдовским, как у Блока. Мистификаторы появляются на грани веков и эпох, когда решаются судьбы племён и народов. Так было с Соловьёвым и Блоком. Сидеризм сыграл огромную роль в общем ходе европейской и мировой культуры. Народы и культуры пали под ударами сидеризма. Сидерическая мистикопатия – это болезнь не только отдельных лиц, но и целых народов. Подлинная мистика возникает там, где есть религиозная вера, молитва и молитвенная медитация.

Сидерические духи – вдохновители розенкрейцерства и масонства. Они охотятся за людьми и легко находят медиумов. Это – честолюбцы и себялюбцы, arrogantны/претенциозны/. Они продолжают свою противоборческую деятельность, не зная покоя.

Они получают инструкции из „центра“ или действуют на свой риск. В Европе и Америке они имеют свои центры. Классической страной восточного, азиатского сидеризма стала Индия с её выродившейся культурой, с Гималайской группой сатаномудрых Махатм и „Владык“, с медиумическими школами теософистики Блаватской, антропософии Рудольфа Штейнера и „Агни Йоги“ Елены и Николая Рериха.

Человеческое Я становится исходным пунктом всей индо-арийской мистики с последующим антропоцентризмом и антропотеизмом, или теантропизмом, самообожествлением человека.

У Блока это несколько иначе, это – навождение, ядовитое дыхание.

Сидеризм кончается прельщением. Блок – жертва прельщения, а скольких прельстил Блок своей поэзией...

Жизнь „дохнула ему в лицо могилой“, он „находится в страстном бреду“ /1915 г. стр. 267/, видит пред собою „страшную пропасть“ /265/, видит месяц, который „как паяц над кровлями громад... корчит ему гримасу“ /266, 1914 г./ Он хочет, страшных демонов спугнуть, но не решается и только отводит глаза /265, 1914/. „Призраки, пляски смерти“, а ветер поёт „сонные панихиды“. В пляске смерти его чуткий слух разбирает „нездешний, страшный звон, То кости лязгают о кости“ /254, 1912/.

Наконец, он встречается своего „соблазнителя“

„Лишь соблазнитель мой не спит, Он лстыиво шепчет; „Вот твой скит; Забудь о временном, о пошлом И в песнях свято лги о прошлом“ /251, 1912 г./.

„Иступление сменяется „ночными кошмарами“, и наоборот. И ещё ценное признание из более ранних времён

„В эти жёлтые дни меж домами Мы встречаемся только на миг.

Ты меня обжигает глазами И скрываешься в тёмный тупик...

Но очей молчаливым пожаром Ты не даром меня обдаёшь, И склоняюсь я тайно не даром Пред тобой молчаливая ложь! Ноги зимние бросят, быть может, Нас в безумный и дьявольский бал, И меня, наконец, уничтожит Твой разящий, твой взор, твой кинжал!“ /235, 1909

Магия

Демонски одержимый поэт бессилен, он пассивен, он не может сбросить с себя демонию. Поэт-маг поплатился, как всякий маг, который получает помощь и подкрепление от кружащейся вокруг него нечистой силы, он сам привлекает её своими магическими формулами, он специализировался на этом. Но помощь дьявольская даётся не даром. Маг поработается нечистой силе и не может разорвать связь. Он становится рабом нечистой силы, отравляет окружающую его духовную атмосферу. Он вредит не только себе, но и окружающим. Неоднократно в „Дневнике“ и „Записях“ Блока признания, что он занимался ворожбою. Значительная часть его лирики приобретает магический отпечаток.

Магия — это упадок духа, с возрождением психизма. По ветхо-заветной пророческой терминологии магия есть волшебство и колдовство, связано с лже-пророчеством. Так у великого пророка Исаии:

„Господь делает ничтожными знамения лже-пророков, и обнаруживает безумие волшебников, мудрецов прогоняет назад, и знание их делает глупостью“ /44, 25/.

По пророку Иеремии и они гадатели и лже-пророки. По книге „Второзаконие“ волшебник — это „вызывающий духов“ /18, 11/.

Магия свидетельствует об упадке религиозного сознания, культурной и духовной деградации отдельных личностей и целых народов, об упадке творческих сил, вплоть до вырождения. Так было в России времён Блока, „серебряного века“ русской культуры.

Теперь о лирике Блока, но сначала несколько замечаний о лирике вообще. Лирика есть музыкальная настроенность души, как показывает слово лира. настроенность и напевность говорит о музыке, но в ~~поэзии~~ она выражается не в тонах, а в словах. В этом непрерываемое единство музыки и поэзии — факт общеизвестный.

Лирика открывает духовно-душевное состояние поэта, его внутреннее содержание, его мысли, чувства и желания. И не только чистые и светлые, но и не чистые, греховные. Тогда лирика похожа на исповедь, на покаяние. Изумлённый читатель потрясён, он думает: «да то же самое и у меня, ведь это всё моё!» И даже что-то новое, чего он не ощущал в себе. Но кроме того, поэт открывает душевно-духовные богатства, сокровища своего ума и сердца. Какое-то самооткровение, вызывающее удивление, восторг и преклонение.

Поэт-лирик открывает в себе и в читателе общечеловеческое, общезначимое, вечные и непреходящие ценности, его внутренний мир обогащается, даёт начало внутреннему опыту. А если поэт-лирик религиозен и приобщён к сокровищнице Логоса-Христа, он открывает божественные ценности в человеке. Таковы лирика Пушкина, Лермонтова, отчасти Тютчева. Вершина западной лирики — Гёте и частично Шиллер. Нужно прибавить к ним Данте с его циклом «Новая жизнь» и Петрарку. Такова и тончайшая, несравненная и неподражаемая лирика Блока.

Лирика у него двойится, как ни у кого из русских поэтов. Одна сторона лирика деревенская, народная, усадебная и помещичья, лирика лесов, гор и рек, русских просторов, снежных равнин, метелей, заунывных вьюг и... русского колдовства, ворожбы, «Навьи чар» Сологуба. С другой — столичная, петербургская и московская, мрачная и теневая, сумбурная и разноречивая, двуличная и... тоже колдовская, мистическая и магическая... Петербург Гоголя и Достоевского. Здесь сказывается чудовищная раздвоенность Блока, причиняющая ему невыразимые муки, терзания и страдания, доводящие до мысли о самоубийстве. Но и здесь и там — всё «Оча», то светлая и воздушная, то мрачная, бледно-туманная, сама печальная и раздвоенная.

Лирика Блока — гармония двух начал, природы одушевлённой и одуховлённой, с её ритмами и неслышными звучаниями, музыкой сфер в смысле Пифагора, и земной. Утонченные чувства поэта Блока, его ясновидение и ясновыслушивание, позволяют улавливать неуловимое, знакомое только поэтам с высоким дарованием. В его лирике открывается новый мир и здесь он сродни Тютчеву. Но и здесь — чудовищная двойственность,

гармония ~~нарушается~~, она отравлена сомнением, является тоска, печаль и холод. Тогда и „лес в томлении“, и „дорога тяжела и далёка“, и непонятная и необъяснимая печаль. Доносится то убывающий, то нарастающий, шум и крики, чувствуется тяжёлая поступь. Это „она“, со своим окружением, которая сокрушит всё и принесёт новое. И чувствуется тяжёлая поступь апокалиптического „Зверя из бездны“, скажут кони Рыжий, Бледный и Вороной с их роковыми всадниками. Как поступь исторических, Чингиз Хана, Тамерлана, Батя, Баязета и Магомета 2-го. Трясутся до основания Агия София в Константинополе, Исаакий в Петербурге, Василий Блаженный в Москве и римский собор Св. П е т р а с папским дворцом... Шабаш ведём в Брокене и на Лысой горе... Современное искусство является прямым предвосхождением грядущего хаоса: Пикассо и сюрреализм, музыка Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, Бела Барток и Хиндемита...

Расхлябанная местами, развинченная и сумбурная лирика Блока есть развязывание хаоса грядущего. Блок не внял совету велемудрого Тютчева: „О, бурь уснувших не буди, Под ними хаос шевелится“. Блок причастен к хаосу и несёт свою ответственность.

Рифмы у Блока так легки, летучи и воздушны, что они сами будто ложатся на бумаги, почти без усилия поэта. Рифмы так чётки, как будто их отчитывает метроном, за спиной поэта. Есть у него и смешение метров, которое рассматривается некоторыми, как достижение стихотворного искусства. Но они вносят разноречие, не всегда приятны для слуха.

Любовная лирика Блока — беспримерная в истории мировой поэзии. Он имел одного предшественника, Вл. Соловьёва и ему обязан искривлениями и извращениями своей своеобразной лирики. Это не говорит против оригинальности и своеобразия лирики Блока. Блок превзошёл своего учителя не только в силе своего таланта, но и глубиной и проникновенностью.

„Мистическая эротика“ Соловьёва, по Сергею Маковскому, ^{I/} результат его встречи с возлюбленной в Лондоне и Египте, которая с тех пор стала „подругой вечной“. Она „Божественная София“. Он верил в реальность её воплощений и имел ночные свидания с нею. Она же — „жена облечённая в солнце“/по гностической литературе/. С. Маковский передаёт чудовищные подробности этого романа.

Своеобразие лирики Блока вызвано особенностями жизнеощущения и мироощущения поэта. И объект его любовной лирики своеобразный, как и у Соловьёва. Не обыкновенная, земная женщина, даже не идеал Вечно-Женственного, как у всех великих поэтов, Пушкина, Лермонтова,

I/На Парнасе Серебряного Века, Мюнхен, 1962, стр. 41-42

Данте, Петрарка и Гёте. Это – трансцендентная, потусторонняя женская фигура, небесная, богиня, царица и владычица, так он её называет. Она принимает земные формы, чтобы явиться земному возлюбленному – поэту. Поэт с своей стороны счастлив и горд этим избранничеством своим и всецело предаётся и отдаётся ей. Он упускает из виду, что она одновременно принадлежит или принадлежала другому, его предшественнику и учителю, Соловьёву, играет с ним ту же игру.

.Она

не одна, её сопровождает, «мужчины профиль грубый»/44/. Кто этот мужчина, остаётся тайной. Она благосклонна к поэту, в то же время строга и гневна»/почему?/. Всегда в мехах и шелках, разодета, как царица, является часто без свиты и дарит поэту свою специфическую, земно-небесную любовь. Восторженный любовник слагает гимны своей возлюбленной, «Деве»/?!/, Владычице мира, Купине/кошунственная концепция!/, «Снежной Деве. Вся его первая книга, «Стихи о Прекрасной Даме» посвящена ей.

Имось Восторженность наивного и обезумевшего любовника сочетается с кошунством. Он посвящает ей, «тёмные храмы»/почему тёмные?/, совершает, бедный обряд в мерцании красных лампад, видит её озарённый образ в, «ризах». И кончает: «О, Святая, как ласковы свечи, Как отрадны Твои черты!»/46/. Он ставит себя целиком на службу своей, «святой» любовнице. Или вот и другое: «Но выходя под утро в луг Твердил невятные напевы, Я знал тебя мой вечный друг, Тебя, Хранительница Девы. Я знал, задумчивый поэт, Что ни один не ведал гений, Такой свободы, как обет Твоих невольничьих служений»/Стих. «Религия, 45/. Он стережёт её ключи, соблюдает полутыму в её терему и у него один завет – служение ей/45/.

Он считает себя превыше всех гениев, так как вдохновляется ею, и своё рабство считает своей свободой. Кошунство идёт дальше, он не стыдится говорить о своём, «втором крещении», от кого?/Из цикла «Снежная маска», 184/.

Но, странно, после любовного угара и томления, он, очарованный поэт, слышит другой голос, чарующий, властный и зовущий/Стих. «Демон» 269/. Здесь почти лермонтовский ритм и стиль, лермонтовские интонации. Более чуткий и осторожный, на месте Блока, насторожился бы. Но Блок нет, его неудержимо влечёт в, «сияющую бездну», он не может остановиться. Второе стихотворение под тем же заглавием, «Демон», совсем по лермонтовски, с рефреном о Тамаре, о чадре, далёком ауле, несчастном женихе, поражённом чеченской пулей/244/. По его властному тону чувствуется, что он некто выше Влады-

чицы Вселенной, что настоящий то владыка не она, а он, а она только помощница и прислужница.

Он делает её своей музой/«музе/божественной, он её пророк, но-
возявленный пророк России. но он – только рупор, громкоговоритель в
волшебном радиоаппарате её. Что вещает новый радио-пропок? да, по
началу как будто ничего нового. Это повторение радио-рефренов
соловьёвских, но своими словами и в более совершенных стихах. Это
нашептывания о грядущей золотой и счастливой зре не только России,
но и всего человечества, о человеческом рае на земле, осуждённой и
отвергнутой Христом. Что же это за Россия? Это Россия Некрасова,
Гоголя, Глеба Успенского, Решетникова, но не Россия Тютчева и сла-
вянофилов, нищая и некультурная Россия. /Стих. „Русь.., 182/. Это Русь
чародейная колдовская, с „мутным взором колдуна, Русь ворожей, ведьм
и чертей. У Блока Россия до-христианская, языческая, колдовская,
„навья“ Россия, до-владимирская, Россия Гостомысла. Эту Россию дал
в музыке Игорь Стравинский в своей „Весне священной“ и Скрябин в
„Поэме экстаза“. Это не Россия, а Русь некрещённая. Страшно стано-
вится за Россию Блока. Он запечатлел, зафиксировал в своих стихах
современную колдовскую Россию начала 20-го века, с её магами, спии-
ристами, вещателями и импровизаторами, лже-старцами.

Петербург Гоголя и Достоевского становится Петербургом Блока.
Влияние Достоевского сказывается сильно. У него инфернальность
Достоевского. В стих. „Песнь ада“ он спускается тропею в „знакомый
Ад“, где видит „дикий танец масок и обличей, потоки трупов друзей и
женщин и не узнает себя, чувствует себя „отверженцем“ /237/. Страшно
становится за Россию пророка Блока, шатающуюся и падающую Россию.
Что же, обманут он и предан? Нет, здесь обнаруживается двуличие
его Музы –наставницы. В любовном угаре с нею он чувствует холод
её любовных прикосновений.

Пророк теряет чувство действительности, вместо всеобщего
счастья и благополучия „век ужасный, последний век увидим вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех, На всех устах застынет смех, Тоска
небытия... О если б знали, дети вы, Холод и мрак грядущих дней!“
/Голос из хора, 270/. А где же „нечаянно радость придёт И пребу-
дет она совершенной.“ /Ночная Фиалка. Сон, 96/. А где фанфары,
предвещавшие радость?... „Печальные люди, усталые люди, Проснитесь
и знайте, что радость близка... И мы пробуждались для новой
надежды, Мы ждали: нежданная радость близка... /Голос в тучах, 104/.
Конец был печальный: „там буря настигла суда рыбаков“. Так Блок-

пророк наводнения, пророк навязчивых тёмных сил, решающих судьбы народов? И ещё яснее: „тихо ведаю будет награда – ослепительный Всадник прискачет“ /Моей матери, IOE/. Это конечно апокалиптический Всадник, несущий гибель и смерть /Так было, IO3/. Какая неразбериха в голове молодого „пророка“!

Неожиданное восклицание: „Я безумец! Мне в сердце вонзили Красно-ватый уголь“ /уголь пророка Пушкина! /Да, он безумец, но не уголь пушкинского пророка в нём.

Зампиризм
и
галлюцинации

Но он ещё очарован, она „Снежная Дева“, а он её рыцарь с мечом и кольчугой /202/. Она из „родного Египта“, как и у Соловьёва, и приняла во владение город /Петербург, от кого?/. Она отравляет его своими поцелуями /207/, её глаза горят /206/. То она является в шелках и соболях, с золотым поясом, в тройке с бубенцами, „нагло скромна“ её „дикий взор“ и „падает“ её „тёмная вуаль“ /Фаина, IO6–IO8/. Да вуаль падает, она уже не стесняется и открывает своё подлинное лицо. Сомнений нет, она Фаина, родная сестра Вавилонской Блудницы. Она совращает монаха. Потрясающая картина дана в стих. „Песня Фаины“, где она сама разоблачает себя, не считает нужным маскироваться, отвергает его и идёт к любовникам. Но он не может порвать со своей проститутной богиней, отдаётся ей, пляшет с нею до изнеможения /2I2/.

Иногда ему становится неважно, она вампир, высасывает кровь и силы. Бывают просветления, тогда он декламирует: „Сердце к правде порывалось, Но его сломила лож“ /250/. Или „что-то в мире происходит“, кто-то хочет появиться, кто-то бродит /257/. Его посещает тот джентльмен и говорит: „ужель вам мало? Пред гением судьбы пора смириться, сёр“ /255/. Это старый знакомый, мужчина с грубым профилем, но без рогов. Когда-то „Невидимка“ и „Незнакомка“ с „чарующим, оборотительным обликом“, является в ночном кабаке в сонме „проститутки накрашенных“ с „расплёснутой чашей вина, На звере багряном Жена“. Она патронесса проститутки. Говорит о её змеиной натуре и змеиной неверности, „аползи ко мне змеей ползучей“... И даёт себя распять, как Христос /I98/. Поэт пророк чувствует свою обречённость, его влечёт к смерти и гибели, /I93/, в стих. „Обречённый“ /I9I/.

Блок видит то, чего другие обычно не видят. У него ясновидение, но не духовное, у него астральное зрение. Жизнь его с детского возраста полна образов и видений. Какая-то смесь сказки с былью и обиденщиной, сон и действительность неразличимы. Какие-то старушки и колдуньи, венчание весны и колдуньи, болотные чертенята и... белый конь со всадником в парчевом кафтане /73, 74, 83, 85, 89/. Это „вихрь видений“, по выражению самого Блока. Любая теософка и антропософка могла бы ему позавидовать. Но это имеет и другую сторону. „Ночи зимние бросят быть может, Нас в безумный и дьявольский бал, и меня наконец

уничтожит Твой разящий, твой взор, твой кинжал!" /235/. Видения сменяются галлюцинациями, зрительными, слуховыми, обонятельными и осязательными, назойливыми и отталкивающими. Он спасается от них в вине, в беспробудном пьянстве и обществе проституток. Он покидает жену, которую когда-то считал земным воплощением своей, "небесной" возлюбленной. Он сам себе противен, противна ему и его бредовая лирика. Он говорит: „простите и сожгите этот бред" /228/.

Он хочет расстаться с **объектом** своей обманчивой любви. „Когда один с самим собою Я проклинаю каждый день, Теперь проходит предо мною Твоя развенчанная тень" /221/. У одинокого поэта – раздвоение, встреча с двойником. Он гуляет в октябрьском тумане, слышит позабытый напев, ему снится на яву молодость, встреча „с нею" и вдруг встречает стареющего юношу с шатающейся походкой, который подходит к нему. Он жалуется на усталость и, улыбаясь нахально, исчезает. И недоуменный вопрос: „быть может, себя самого Я встретил на глади зеркальной?" /236/.

Мистически-одержимая лирика превращается в лирику бредовую.

„Ему больно, что он склонился перед „молчаливой ложью". /235/. Он обессилен, жизнь теряет смысл, потрясавшее чувство обречённости: „Тайно сердце просит гибели... вот меня из жизни вывели. Ты свела меня сюда/к пирюби/, Завела, сковала зорами И рукою обняла, и холодными призорами белой смерти предала"... Какая это белая смерть, неизвестно. И дальше: „и в какой иной обители Мне владиться суждено, Если сердце хочет гибели, Тайно просится на дно?" /191/. Нет более тоскливой и **безотрадной** лирики. Сплошные жалобы, стоны, „я был больной, с душою ржавой", холодно и больно. „В душе отравленная тоска" и тут же рядом: „собираюсь бросить злобный вызов к небесам" /274 и 275/.

Пессимизм, доморощенные Шопенгауэры, Тургенев, Толстой, Фет и Чехов. Каждый по своему отравлял духовную атмосферу России. А это были все кумиры русской интеллигенции, **властители** дум широкой читательской массы. Но больше и пуше всех поражает духовная слепота Бл. Соловьёва, сыгравшего роковую роль для целой плеяды символистов и декадентов.

Своим нездоровым творчеством Блок едва ли не переменял Достоевского.

Оба перенесли свои недуги в поэзию и прозу. Исходительны следующие строки Блока: „Всё было, было, было, Свершился днеи **круговорот**, Какая ложь, какая сила Тебя прошедшее вернуть?". **Нет**, не дай Бог вернуть Россию **Толстого**, Достоевского, Гоголя и Блока. Наши взоры обращаются к подлинному пророку Пушкину,

Пушкин сделал свою языческую музу христианской. Блок изменил своей музе, стал в полуоборот к ней и сделал музой своей ведьму, колдунью, падшее демонское существо. Он открыл ей сердце своё, предоставив ей все духовные сокровища сердца своего. И Пушкин имел встречу с демоном, который, "В часы надежд и наслаждений, Тоской внезапной осеня

тогда какой-то злобный гений Стал тайно навещать меня"/Ст. "Демон Демон показал себя Пушкину во всём своём презренном величии, но не смутил его. Пушкин не поддался. Что удалось демону с Гёте, Шиллером, Байроном, то не удалось с Пушкиным. А Лермонтов разоблачил короля демонов, демона с большой буквы, сорвал с него маску, надетую величайшими писателями Запада.

Пушкин руководил своей музой, наставлял её. "Белению Божию о, муза, будь послушна, обиды и т.д. Блок-раб своей сомнительной муз. в стих. Серванс - Регина.

"Не призывай. И без призыва Приду во храм. Склонюсь главою молчаливо к твоим ногам. И буду слушать приказания И робко ждать. Ловить мгновенные свиданья и вновь желать. Твоих страстей/?!/ повержен силой, ноц игом слаб. Порой слуга; порою милый, милый; И вечно - раб. Это пишет 19-ти летний Блок. Но и зрелую пору своего творчества он - всё тот же, пока он не разглядел её тёмный облик.

Демония
и
инфернализм

В период перед 1-й мировой войной, от 1912 по 1914 гг., его лирика принимает явно демонский характер. Здесь несомненно влияние французца Бодлера, хотя ни сам Блок в своём "дневнике" и "Записках" ни разу не обмолвился об этом, ни его поклонники и критики. Приведём только несколько примеров.

"Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне Притаился глядит. Каждый демон тебе сторожит, Притаясь в грозовой тишине... И вздымается жаркая грудь... Этих демонов страшных вспугнуть? Нет! Глаза отвести, и не смей, и не смей, И эту страшную пропасть глядеть!"/1914 г./

Он признаётся в своих дьявольских наклонностях,

"Пой, пой свои творения Незримым ядом мертвеца, Чтоб гневной зрелостью презренья Людские отравлять сердца"/1909/.

Он кровопийца,

"Знаю, выпил я кровь твою... Я кладу тебя в гроб и пою, Мгlistой ночью о нежной весне Будет петь твоя кровь во мне!"/1909/.

Демонизированному поэту от этого не легче

и он признаётся.

"День проходил, как всегда: в сумасшествии тихом"/1914/.

В стих. "Говорят черти"

"Ведь всё равно - очарование пройдёт и в сумасшедший час Ты, в иступлённом покаянии, Проклясть замыслишь бедных нас",

то-есть чертей/1915/.

Потом ещё откровение, "Как страшно всё, как дико"/1912/.

Ещё один демонский шедевр, вызванный видением: подходит гроза, кто-то щурит глаза. Глаз молчит, золотистый и карий, Горла тонкие ищут персты... Подойди, подползи. Я ударю - И как кошка очеришься ты".

Он предсказывает „холод и мрак грядущих дней“, когда „на всех устах застынет смех“, когда весна обманет и солнце не встанет/1910, 271/.

Пророк

Был у Блока предшественник в пророчествах, „пророк“ Достоевский. Но были в России настоящие пророки: Св. Серафим Саровский, который в беседе с Мотовиловым предсказал все грядущие бедствия в России, со всеми подробностями. Накануне „серебряного века“ был пророк Св. Иоанн Кронштадтский.

Блок – пророк переходного времени, но и сам активный участник своего времени. Это – лжепророческое бряжание в поэтической форме, никого не убеждающее. Он не разглядел подлинных черт грядущей эпохи русского лихолетия. Может быть никто из поэтов „серебряного века“ не отразил так, как это сделал Блок. Это тревожное ожидание в холодном, полумёртвом городе-столице. „Что-то в мире происходит“, он воспринимает это „что-то“ с тревогой, страхом, тоскою и ужасом.

Полумёртвая столица полна ходячих мертвецов, стучащих костями. Мертвецы как будто живые, говорят, смеются, объясняются в любви, но стучат костями, как мертвецы.

Пророк Блок – пророк чужих пророчеств. Оказывается, что и Чехов пророк. В пророках числились Мережковский и меньшая братия символистов. Подлинный пророк гоним, его убивают, как Пушкина и Лермонтова. Лже-пророк Блок пьянствует и возится с первыми встречными женщинами, вторит лже-пророку Соловьёву.

Пророк Божий Блок стал уличным оратором и раздувал огонь для „мирового пожара“. Окончание поэмы „Двенадцать“ свидетельствует о полной духовной слепоте Блока. В Блоке – фатальность и Соловьёвская обречённость. Блок только зеркало эпохи.

Мистификаторы появляются на грани веков и эпох, так было и о Блоком и его учителем Вл. Соловьёвым.

Пророк?

Блок – верующий. „Бог один – залог слияния“/1900, 417/. И „Сколько музыки у Бога, какие звуки на земле“/1898, 411/. Потрясённый бедствиями современной ему жизни и „роковой пустотой“ в сердцах современников, он взмолился: „Боже, Боже, да узрят царствие Твое!“/1914, 402/.

Себя он называет „Божьей милостью поэтом“/1900, 416/. К нему на челноке плывёт Христос. Он чтит Божью Матерь, Деву Марию, но позволяет себе иногда вольности. Уочет отдохнуть от „бури жизни... ненавидит „пути постылые земли“. Но Блок не из тех, кому вера и молитва дают покой и свободу. Он видит „кровавый отсвет в лицах“. Не разглядел подлинный облик свое потусторонней возлюбленной. Но он признаёт свое поражение:

„Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь“/1913, 259/.

Соловьев и Блок-жертвы обмана и прельщения, это значит у них не было прочной веры. Светлая богиня обернулась у обоих ведьмой, колдуньей, порождением мрака. Разве не знал Соловьев, изучивший всю гностическую литературу о падшей Софии, всю гностическую софиологию. Он сочинил светлую богиню, потому что она являлась ему в свете. У обоих, Соловьева и Блока, не было, что в церковной литературе носит название «различения духов». Христос говорит апостолам Иоанну и Иакову, которые хотели послать огонь на негостеприимных жителей самарянских, не захотевших принять Христа. «нет» сказал им Господь, «вы не знаете, какого вы духа». И ап. Павел говорит: «различайте духов, не всякого духа принимайте». Он предостерегает, злой дух являясь, принимает вид «ангела света». Христианские аскеты-подвижники рассказывают о случаях, когда злой дух является в виде Христа для сокрушения и смущения. Но аскет умеет различить подлинного Христа и Его Свет, и не поддается обману и соблазну.

Блок гонялся всю свою короткую жизнь за призраком, не сумев отличить истину от лжи. Это был общий признак эпохи, времени, погоня за миражем, как выражение упадка религиозного сознания. Это была пора теософского поветрия, наводнение всеобщее, захватившие широкие круги не только столиц, но и провинции, передого слоя и читательской массы. Интеллектуальная и духовная атмосфера заражена и загрязнена. Церковь протестует, борется, но не может угнаться за обезумевшими писателями и их читателями... Сектантское и еретическое, гностическое отщепенство, попытка создания если не новой религии, то нового культа.

Злая сила под по-
рывалом Дама могла торжествовать. Одурачение масс удалось.

Медиумизм

Дама перестала являться, дело было сделано. Она создала кадры медиумических носителей, которые теперь действовали за свой риск и страх.

Блок не строил себе иллюзий, как и многие его современники. Он ждал катастрофы, потрясений, не только для России, но и мира. Идет новая эпоха, и поступь её уже слышна. Это все Блок улавливал своим чутким слухом. Блок принимал революцию, как искупление, не чужда была ему и идея возмездия. Он бросил клич: «Слушайте революцию!» Он вещал, как пророк: «Та цивилизация, та государственность, та религия умерли». Даже религия?!

Не чужда была блоку концепция Достоевского: Радость постигается в страдании и приходит через страдание. Из великих страданий приходит великая радость. Он вещает: «Радость-страдание-одно!» И здесь Блок дал полную волю своей мистикопатии, своей мистической одержимости. Он был уверен, что за природными движениями, историческими потрясениями стоят невидимые силы, а во главе их Она, Владычица, Матица, Светоросная Дева.

Судьбе было угодно, чтобы Блок увидел явление царства „духа“ и, пре-
ображения мира“ и не один Блок может быть по нём ударило больше, чем
по другим. А впрочем многие вынесли больше, чем Блок. Нельзя не ви-
деть в этом Немезиды, за легкомысленную игру в небесную любовь.
Он испытал нужду, нес непосильную работу, испытал голод и холод,
тяжкую болезнь, был близок к сумасшествию.

Корень подлинной мистики-сближение с Богом, Христом и Духом в
молитве, медитации и мистическом погружении. Лже-мистика есть теософ-
шина, уклонение в сторону, к космическим, мирским началам и властям,
князьям мира сего, богам, богиням! Пророк ли Блок? Да, после Пушки-
на и Лермонтова он — 3-й пророк, по смутному предчувствию эпохи, ожи-
данию перемен и катастроф. Но он не только предчувствует и предска-
зывает, но и формулирует, даёт мистическое оформление.

Из всей блестящей плеяды модернистов, символистов-декадентов,
представителей „Серебряного века“ русской литературы, наибольший
успех выпал на долю Блока. Он выделен особенно в эмиграции, о нём
написано много книг. Неваслуженно забыт Бальмонт, не говоря о дру-
гих. Отчасти это может быть пото-
му, что именем Блока связана жизненная трагедия, может быть самая
потрясающая. Трагична судьба Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, погибших
в пору расцвета их гения. Трагедия Блока — трагедия заблуждения. Ни
один из великих драматургов не касался этой темы. У Эсхила — „Сков-
анный Прометей“ — тема дерзновения, у Софокла — трагедия судьбы и рока. У
Эврипида — трагедия любви и ревности. У Шекспира — все человеческие
страсти. У Пушкина — трагедии скупости, зависти, отчаяния и властолюбия

Гений ? Гений ли Блок? Мочульский и друг. отвечают на этот вопрос утверди-
тельно, Сергей Маковский — отрицательно. У Блока был задатки гения,
но он разменял их на миражи. Гений — это цельность и монолитность,
идейное богатство и он знает меру. Гений не может стать игрищем
эпохи и враждебных сил, он ведёт эпоху и сам создаёт эпоху.

У Блока — магия стиха, местами неподражаемая, но идейное содержание
бедное и непрочное. Как можно было отдать свою жизнь и талант злой
силе?.. У Блока — исключительный ритм, лёгкость и музыкальность стиха,
дар предчувствия и прозрения, визионерство и эстетическая интуиция.
Но... гений не заблуждается. Напротив, он единственный преодолевает
заблуждения века, эпохи, среды и указывает путь. Блок поставил себя на
службу обману, лжи и мраку, мистическому мракобесию. Одержимая лирика,
несмотря на обаяние. Лирический пафос теряет очарование.

Блок — человеческий документ огромной важности. Блок — личность трагическая. Трагедия его — заблуждение и пассивность.

Муза

Изменяет ли муза поэту? Нет, она остаётся верной поэту. В случае Блока было иначе, поэт изменил своей гармонической музе, но не покинул её. Он нашёл новую музу в лице „Дамы-Девы“. С.Маковский готов считать её „мёртвой куклой“, но это не так. Мистик-поэт ищет мистическую возлюбленную и находит её в Фаине, „Даме-Деве“. Он счастлив, как ни один смертный. Кто попал в её сети, тому нет спасения, любовник на всю жизнь. Это не мешает ему развлекаться со смертными девушками в уличном уединении, в мокром, призрачном Петербурге. Поэт разменивает свой исключительный талант на любовные признания. Сплошная любовная лирика, которая не приедается. Муза становится любовницей.

Она изменяет свой облик и ему становится страшно, ещё в Шахматове. Чувствует себя околдованным „огнями тёмной любви“/1901, 22-23/. Такой богатой любовной лирики, как у Блока, не знает ни русская, ни мировая поэзия. На что Гёте был тонкий ценитель женщин, но его любовная лирика на много скромнее блоковской. Пример Блока — единственный в мировой поэзии.

Кто же она, эта муза в образе Дамы-Девы? Это — София-Ахамет гностика Валентина/3-й — 4 век/, София Вл. Соловьёва. Это потустороннее существо высокого ранга.

Пристальный, гипнотизирующий, неотразимый взгляд. Сексуально-чувствительный поэт не выдерживает её чар и становится её похищенным любовником. Оба изменяют друг другу.

В гениальном стихотворении „К музе“, из цикла „Страшный мир“, дан полный интеллектуально-моральный её облик:

„Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятие заветов священных,
Поруганье счастья есть.
И такая влекущая сила,
Что я готов твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...
И когда ты смеёшься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг...
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо...
Для меня ты — мученье и ад.“/1909-1916, 233-234/

Он хотел бы, чтобы они были врагами, но она подарила ему „всё проклятие своей красоты... Были страшны её ласки, была роковая отрада в попирании „заветных святынь“. /1912, 233-234/.

Блок изменил Вечно-Женственному, у него -лживый и демонический облик, Цамы-Девы, которая и свет, и мрак, богиня и колдунья. Она сулит радость и обновление мира, предвещает новую счастливую эпоху, гибель и потрясения. То она печальна и вызывает сомнение у своего пророка. Поэт злится, бьёт её и проклинает. А когда он сбросил с себя злые чары, то было уже поздно.

Когда читаешь Блока -заворожён и всегда ждешь, что ещё придёт. И он всегда принесёт неожиданное.

С .Маковский отмечает влюблённость читателей в Блока. Блоку прощают всё, чего не простили бы другим. Блок раскаялся и жестоко страдал. В 40 лет жизни он высох, обессилел и сдался. И только тогда пришёл в себя.

Забыв гениальный Бальмонт/Ирина Одоевцева напомнила о нём/, развенчан Брюсов, приелась словесная эквилибристика прозы Андрея Белого.

Т о г о ж е автора

- I/Логос-медитация древней Церкви. Умное делание. Мюнхен, 1964
- 2/Основы древне-церковной антропологии, т. I
Сын человеческий, Мадрид, 1965
- 3/Основы древне-церковной антропологии, т. 2
Апокатастасис, Мадрид, 1966
- 4/Метафизика Пушкина, Мадрид, 1967
- 5/Основы христианской философии, ч. I
Теория познания/Гносеология/, Мадрид, 1970
- 6/Основы христианской философии, ч. 2
Диалектика, Мадрид, 1970
- 7/Основы христианской философии, ч. 3
Метафизика, Мадрид, 1972
- 8/Богочеловек, Мистика христианства, Париж, 1974, рот. изд.
- 9/Метафизика Лермонтова, Мадрид, 1975
- 10/Основы древне-церковной антропологии, т. 3, 1976, Штуттгарт, рот. изд.
- 11/Путь к истине и жизни, 1977, Штуттгарт, рот. изд.
- 12/Аскетика и Мистика, 1978, Штуттгарт, 1978, рот. изд.

Sprint-Druck GmbH
7000 Stuttgart 30
Wiener Str. 117
Tel. 0711/81 26 69

Sprint-Druck GmbH
7000 Stuttgart 30
Wiener Str. 117
Tel. 0711/81 26 69